

УДК 622.25/15:539.2/15

Солодянкин А.В., д.т.н., проф., каф. СГГМ

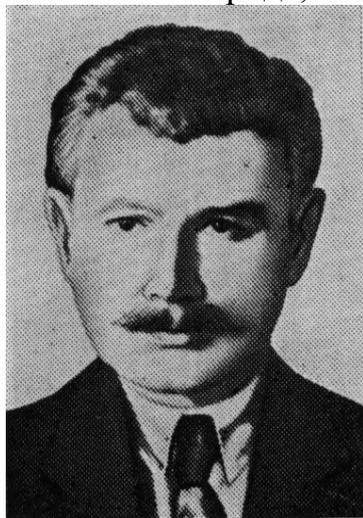
Государственный ВУЗ «Национальный горный университет», г. Днепр, Украина

80-ТИ ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПАМЯТИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА НОВОСИЛЬЦЕВА

Кафедра строительства, геотехники и геомеханики (СГГМ) приближается к своему 90-летнему юбилею. В преддверии такой важной даты принято подводить итоги деятельности кафедры, отмечая наиболее яркие события, достижения и результаты.

Есть, однако, в истории кафедры и печальные страницы, появление которых связано с тяжелым экономическим или политическим положением в стране, неизбежно накладывающим свой отпечаток на все сферы деятельности общества.

Именно на такой период выпало начало подготовки горных инженеров-строителей, образование и становление кафедры шахтного строительства Днепропетровского горного института. Конец 20-х – начало 30-х гг. XX столетия в истории СССР был, наверное, один из самых тяжелых периодов, названный историками эпохой сталинизма – ее началом. С этим периодом связывают окончательное становление диктатуры новой власти, укрепление руководящей роли коммунистической партии, начало индустриализации страны, коллективизацию, жесточайшие репрессии против передовой части советского народа, голодомор в Украине 1932-1933 гг. и многое другое.

В 1928 году кафедрой горного искусства ДГИ была начата подготовка шахтостроителей. Кафедра в этот период представляет собой мощное учебное и научное подразделение института в составе 23 сотрудников, из которых 2 профессора, 6 доцентов и 15 ассистентов.

1 октября 1930 года на базе этой кафедры были сформированы три самостоятельные кафедры – общие курсы горного производства, механизация шахт и проходка шахт (ныне – кафедра СГГМ). Временно заведование кафедрой «Проходка шахт» возложено на профессора И.С. Новосильцева.

В первые годы общее организационное, методическое и научное руководство вновь созданных кафедр оставалось за профессором И.С. Новосильцевым, который на то время уже имел огромный опыт организационной и учебно-методической работы, занимая должности декана в 1925-1928 гг. и проректора с 1929 г. Под его началом проведена большая работа по переработке учебных планов, программ и активных методов преподавания для новой специальности.

Преподаватели и студенты кафедры горного искусства, 1928 год. Во втором ряду в центре сидит И.С. Новосильцев

* * *

Родился Иван Степанович 4 декабря 1890 года в крестьянской семье деревни Карач Таврической губернии Евпаторийского уезда (Крым).

В 1910 году он окончил Евпаторийскую гимназию с золотой медалью. Евпаторийское земство удовлетворило прошение Ивана Новосильцева о предоставлении ему пособия на обучение в высшей школе, и в этом же году он поступил на горное отделение Екатеринославского высшего горного училища.

По истечении каждого года обучения Евпаторийская управа запрашивала директора училища об успехах и нравственных качествах своего подопечного. Из института отвечали, что по успехам в учебе и по поведению студент Иван Новосильцев «заслуживает продолжения выдачи ему стипендии». Однако успешная учеба прерывалась в 1914 году необходимостью поправить здоровье, а в начале 1916 года Первой мировой войной: Новосильцев целый год служил в 12-й Добровольческой инженерно-строительной дружине по снабжению армии.

Екатеринославский горный институт И.С. Новосильцев окончил в 1917 году и получил диплом горного инженера. Постановлением Совета института он был оставлен стипендиатом по кафедре горного искусства.

В марте 1920 года он был избран ассистентом, а осенью 1922 года ему было поручено чтение отдельных курсов, руководство дипломным проектированием и заведование кабинетом горного искусства №2. В 1923 году он по конкурсу избран на должность доцента по кафедре горного искусства.

В 1917-18 гг. Иван Степанович участвовал в комиссии по обследованию рудников Криворожья, а в 1921-22 гг. входит в «Особую комиссию по восстановлению угольной и антрацитовый промышленности Донбасса»,

В период с 1917 по 1922 год И.С. Новосильцев вел параллельно преподавание математики и физики в средних учебных заведениях, а в 1920-1921 гг. был сначала заведующим учебной частью, а затем заведовал Гидротехникумом в Екатеринославе.

В 1924 году И.С. Новосильцев избирается уже на должность профессора, по совместительству руководит дипломным проектированием слушателей Высших инженерных курсов при Сталинском (Донецком) горном техникуме, а с 1925 г. ведет там преподавательскую работу.

С 1925 по 1928 г. Иван Степанович работает на должности декана горно-геологического факультета ДГИ.

Основным направлением научных исследований проф. Новосильцева являются вопросы проветривания шахт, горноспасательное дело и противопожарная техника. В 1920-е годы им опубликован ряд брошюр и статей в инженерных журналах и сборниках научных трудов.

В этот же период И.С. Новосильцев, принимает участие в работе ряда комиссий по составлению плана восстановления угольных и антрацитовых шахт Донбасса, рудников Кривого Рога. В 1927-1930 гг. является членом научно-технического совета угольной промышленности при ВСНХ СССР (Москва).

С 1926 года Иван Степанович по совместительству работает старшим инженером по проектированию шахт, руководит горной секцией Угольного НИИ, где под его руководством выполнено несколько актуальных работ по механизации Донбасса. В течение шести лет он является консультантом Управления Нового Строительства Угля и Шахтостроя, где занимается проектированием строительства и реконструкции шахт Донбасса, а с 1928 г. возглавил Днепропетровский филиал Шахтостроя (ныне – Днепрогипрошахт).

Как начальник учебной части, принимает участие во Всеукраинских методических совещаниях в Харькове (1928-1929 гг.) и Москве (1929 гг.) по вопросам народного образования, непрерывной производственной практике и др.

В 1928 году, после отъезда профессора Л.Д. Шевякова в Москву, Иван Степанович был избран заведующим кафедрой горного искусства, а также стал еще и помощником ректора по учебной работе (начальником учебной части).

В январе 1931 года Иван Степанович обращается к директору с просьбой освободить его от обязанностей начальника учебной части института, поскольку работа по кафедре, которой он заведует, «требуется для правильного ее развития значительного времени и работы», на что получает положительное решение.

В рамках новых учебных планов подготовки специалистов И.С. Новосильцев выпускает несколько учебников, принимает участие в подготовке молодых научных кадров и пользуется среди них огромным авторитетом.

В начале 30-х гг. И.С. Новосильцев активно участвует в общественной жизни института и города: является председателем Горного научно-технического общества, членом президиума Укрбюро ГНТО, заместителем редактора журнала «За новую шахту», членом горбюро СНР.

Все последние результаты работы и выполняемые профессором И.С. Новосильцевым обязанности стали основанием для перевода его в 1931 году на персональный оклад, как форму поощрения за активную и успешную педагогическую, научную и общественную деятельность.

В июле 1933 г. И.С. Новосильцев переведен в Москву на должность главного инженера главка неметаллургической промышленности СССР в Наркомтяжпроме (НКТП), где и продолжил свою работу как ведущий специалист в области горного дела. Более детальных сведений об этом периоде его работы нет, известно только лишь, что в *1937 году Иван Степанович Новосильцев был репрессирован и приговорен к высшей мере наказания.*

* * *

Кампанию массовых репрессий, как одну из форм управления диктатуры власти, сталинская система для своего укрепления и функционирования проводила с 1926 и до 1953 г. Их направленность определялась целями диктатуры: конец 20-х - начало 30-х гг. – репрессии против старой интеллигенции, начало 30-х гг. – «раскулачивание», первая половина 30-х гг. – преследования бывших оппозиционеров, вторая половина 30-х гг. – удар по партийным, хозяйственным кадрам. Пиком репрессий стали 1937-1938 гг. Точное количество репрессированных подсчитать трудно. По оценкам историков в результате коллективизации, голода и репрессий между 1926 и 1939 гг. страна потеряла от 16 до 26 миллионов человек [1].

В 1928 году были оглашены приговоры по «шахтинскому делу» – завершился первый в истории СССР показательный судебный процесс. Его организаторы убедили советских людей в том, что во всех экономических проблемах страны виноваты не ее руководители-коммунисты, а инженеры-вредители. Высшее руководство страны – Калинин, Молотов, Каганович докладывали о массовом вредительстве чуть ли не на во всех отраслях экономики.

Среди привлеченных по этому делу было много выпускников и сотрудников горного института, в том числе Борис Николаевич Крамарев – заведующий кафедрой шахтного строительства ДГИ в 1944-1946 гг.

«Шахтинское дело» 1928 года являлось «образцовым» в последующей череде дел, связанных с развернувшейся в СССР кампанией борьбы с «вредителями-специалистами». Кроме этого, обвинения, направленные главным образом на старых (дореволюционных) технических специалистов, инициировали курс на пролетаризацию и большевизацию высшего

образования. В результате на смену старым "спецам" пришли классово близкие пролетариату выдвиженцы, под интеллектуальный уровень которых пришлось перестраивать всю систему высшего образования.

Борис Николаевич Крамарев

В Советском энциклопедическом словаре (1983 г.) в статье о шахтинском деле говорится: "Шахтинское дело, судебный процесс 1928 г. в Москве над участниками контрреволюционной вредительской организации. Действовала в Шахтинском и других районах Донбасса в 1920-1928 гг. по заданиям белоэмигрантского «Парижского центра». Участники – инженеры и техники, связанные с бывшими владельцами шахт. 5 человек приговорены к расстрелу, остальные – к различным срокам заключения".

Материалы открытого судебного процесса над «шахтинцами» были широко опубликованы. Взгляды на «шахтинское дело», противоречащие официальной точке зрения, рассматривались как антисоветские. Детальное изучение материалов следствия, как и многочисленных ранее недоступных документов тех лет, стало возможным лишь с конца 80-х-начала 90-х годов, что дало возможность изучить истинные обстоятельства «шахтинского дела», имевшего цели куда более важные, чем благополучие Донбасса.

Надо сказать, что принимаемые в те годы программы развития страны были больше похожи на ничем не обоснованные утопические фантазии. И вера в возможность преобразования мира посредством чудо-техники была непоколебимой. Государство охотно поддерживало многочисленные экзотические проекты, вроде межпланетных полетов Циолковского, но было не в состоянии выстроить нормально функционирующую экономику.

Планы развития страны больше напоминали материалы для проведения политинформации, чем нормативные документы. Агитаторы могли долго рассказывать про электрических коней, которые выйдут "на поля народного труда". Но как делать этих самых коней, никто не знал. Количество невыполненных обещаний росло с каждым годом, а хозяйство, созданное на основе красивых прожектов, все чаще давало сбои.

Пока шла гражданская война, экономические проблемы можно было списать на контрреволюционное окружение. Но война окончилась, а проблемы остались. Пришла пора искать виновных. И их быстро нашли. Граждане с легкостью поверили, что пустые полки магазинов и нищенская зарплата – следствие не политики ускоренной индустриализации, а деятельности вредителей. И, в первую очередь, пресечь ее решили в угольной отрасли.

Дело в том, что на угольных шахтах ЧП случались чуть ли не ежедневно. Постоянные поломки оборудования, обвалы, прогулы рабочих были бичом

угледобычи. Правда, к вредительству это не имело никакого отношения. Все было проще: большая часть рабочих была не квалифицирована и в совершенстве владела лишь ломом и лопатой. Новую технику закупали, только работать на ней было некому. Низкая квалификация на фоне лозунгов о том, что залог успеха – пролетарские натиск и смекалка, давала результат в виде бесконечных аварий. И этот хаос решили объяснить кознями враждебных элементов.

«Шахтинское дело» было сфабриковано полномочными представителями Северо-Кавказского управления ОГПУ Е.Г. Евдокимовым и К.И. Зоновым. «Выйдя» непосредственно на Сталина, Евдокимов представил частые аварии на шахтах треста «Донуголь», как результат деятельности нелегальной контрреволюционной вредительской организации, состоящей из старых (дореволюционных) технических специалистов [1]. Группе следователей была поставлена задача: любой ценой добиться от обвиняемых «чистосердечных признаний» и придать делу общегосударственный характер.

Именно в это время – весной 1928 г. Крамарев Б.Н., будучи тогда техническим директором треста Кизелуголь, арестован НКВД по «шахтинскому делу». Находясь под следствием, Борис Николаевич заболел тяжелой формой нервного расстройства, что оказало серьезные последствия на его здоровье. Возможно, что эта болезнь – следствие жестоких методов физического воздействия, которые применялись следственными работниками к подозреваемым для получения необходимых показаний. В 1929 году, еще будучи больным, он был освобожден без каких-либо ограничений в правах.

Применение физического воздействия (лишение сна до 3 суток и более), непрерывное чтение обвиняемому его будущих показаний на суде о якобы совершенных преступлениях, запугивание, угрозы репрессий в отношении семьи, – все это приводило арестованных в состояние крайнего физического и нервного истощения. «Обработанные» таким способом, они готовы были идти на признание.

Вещественных доказательств суду представлено не было. Зато обвинение обрисовало многоуровневую систему вредительства, направляемого из-за границы. Вредители действовали в руководстве угольной отрасли в Москве, в руководстве треста «Донуголь» в Харькове, на рудниках и шахтах.

Среди обвиняемых большинство (35 человек) были горными инженерами, окончившими, в основном до революции Екатеринбургский и Петербургский горные институты, имевшие большой опыт работы на шахтах Донбасса. В число обвиняемых попали также горные техники, электротехники, механики.

Материалы Шахтинского дела

Специальное присутствие Верховного суда СССР под председательством ректора МГУ Вышинского открыло судебные заседания в колонном зале Дома Союзов 18 мая 1928 года. Заседания продолжались 41 день. Несмотря на проведенную следователями подготовку, 23 из 53-х обвиняемых отказались признать себя виновными, 10 признали свою вину лишь частично. Из одиннадцати приговоренных к расстрелу для шестерых мера наказания была заменена 10 годами заключения. 9 июля 1928 были расстреляны 5 обвиненных горных инженеров, 4 обвиняемых были освобождены и 4 приговорены к условным срокам наказания. Остальные – к лишению свободы сроком от 1 до 10 лет с поражением в правах на срок от 3 до 5 лет.

Официальная трактовка «шахтинского дела» сформулированная и одобренная ЦК ВКП(б) в 1938 в работе «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» оставалась в силе до 1980-х годов. Реабилитировали обвиненных лишь в 2000 г.

После завершения «шахтинского дела» наступление на техническую интеллигенцию продолжилось с еще большим размахом.

В 1928 г. огромное большинство специалистов на предприятиях и в госучреждениях все еще состояло из представителей дореволюционной интеллигенции. И лишь 2 % из них были членами партии. Смысл «шахтинского дела», организованного как раз накануне принятия пятилетнего плана, становился совершенно ясным: скептицизм и безразличие по отношению к великому делу, предпринятому партией, неизбежно ведут к саботажу. На протяжении 1928-1929 гг. тысячи сотрудников ВСНХ, ЦСУ, Госплана, Народного комиссариата земледелия, Народного комиссариата финансов были отстранены от выполнения служебных обязанностей.

1-й номер газеты ДГИ «В заборі навчання» от 15 декабря 1928 г. также писал об актуальных вопросах, поднятых «шахтинским процессом»: карикатура – «За новый тип» (специалиста); главные лозунги на страницах газеты: подготовка красных специалистов, культурная революция, строительство социализма в стране

Одновременно с ведением борьбы против старых кадров правительство развернуло летом 1928 г. широкую кампанию по выдвижению на ответственные посты рабочих-коммунистов и формированию в кратчайшие сроки новой, «красной» технической интеллигенции, пролетарской по духу. Она была направлена на создание у рабочего класса, и, прежде всего, у самых молодых его представителей, ощущения, что страна, наконец, вступила в новую эру и простому трудящемуся открыты все дороги.

Политика выдвижения новых кадров приводила к коренному изменению состава рабочего класса. Предприятия потеряли наиболее опытных рабочих, места которых заполнились неграмотными, неквалифицированными и неорганизованными людьми, часто – выходцами из крестьян.

Болезненный процесс адаптации новых пролетариев влек за собой целый ряд негативных явлений. Участились неявки на работу, усилилась текучесть кадров, увеличилось количество случаев хулиганства и поломок техники, выпуска бракованной продукции, резко возросли производственный травматизм, алкоголизм и преступность.

Регулярные продолжающиеся аресты специалистов приводили к их постоянной нехватке, да и пропагандистская кампания, направленная против специалистов-инженеров, вызвала их добровольный массовый уход с шахт.

Эти явления в не меньшей степени, чем завышенные планы и перебои в снабжении, усугубляли дезорганизацию промышленного производства в годы первой пятилетки. Три года пролетаризации, культурной революции, отмеченных наступлением на старые кадры, ускоренным выдвижением на ответственные посты рабочих-коммунистов, наплывом миллионов новых пролетариев, вынудили руководство партии признать, что такая политика вела к нестабильности, чреватой разрушительными последствиями для экономики.

Те же процессы происходили и в Днепропетровском горном институте. Как отмечается в [2]: “Більшовики в ході “боротьби за вищу школу” перетворили інститут на середньо-спеціальний заклад, бо термін навчання в КПІ, як і в інших ВНЗ, був скорочений до 3-х років, замість семестрів були триместри, дипломування тривало лише місяць”.

Искусственная и ускоренная пролетаризация имела негативные последствия – сквернословие среди студентов, пьянство в общежитии, частые нарушения дисциплины и большие ежегодные отсеы студентов. Только в январе-апреле 1930 года директор ДГИ подписал 37 приказов об объявлении выговоров студентам за пропуски занятий и другие нарушения дисциплины. Не признавая своих ошибок в управлении как всем народным хозяйством, так и высшей школой, руководство ВКП(б) обвиняло «старую профессуру» и «классового врага», которые будто бы занимались вредительством в вузах и всячески мешали выполнению партийных заданий по подготовке кадров [3].

Поэтому было принято решение об упрощении управления в самих вузах. Вместо «декана» и «ректора», которые раньше выбирались, были введены «заведующий факультетом» и «директор», которые назначались».

---

23 июня 1931 г. Сталин таки положил конец проведению «культурной революции». Он приостановил выдвижение рабочих, осудил уравниловку, «спецеество» и призвал к большей заботе о специалистах старой школы, окончательно вступивших в союз с рабочим классом.

Несколько недель спустя 40 тыс. недавно выдвинутых на руководящие посты рабочих были вновь отправлены на производство. Были пересмотрены размеры заработной платы и отменены дискриминационные меры по отношению к старым кадрам. В соответствии с новым законом, объем социальных благ был поставлен в прямую зависимость от непрерывности

стажа на предприятии. В 1932 г. были введены обязательные трудовые книжки. В целях уменьшения текучести кадров была введена система прописки.

Репрессии, инициированные руководством страны, коснулись ведущих сотрудников ДГИ, многих руководителей научных школ и кафедр, а также выпускников. Они были объявлены «врагами народа» и репрессированы. В их числе ректор института Павел Иванович Герасимов, заведующий кафедрой маркшейдерского дела Иван Прокопьевич Бухинник, заведующий кафедрой геодезии Борис Павлович Горский, профессор маркшейдерского искусства Петр Константинович Соболевский и многие другие. Всего – более двух десятков ученых и преподавателей ДГИ, а также студенты различных отделений.

Герасимов П.И.

Только в 1931-1933 гг. репрессиям подверглись до 5% научных и инженерно-технических и кадров Украины. В 1933 году вузы потеряли 270 профессоров и преподавателей [4]. Наибольших размахов репрессии приобрели в 1937-1938 гг. и не прекращались до самого начала войны. Обвинениям подвергались не только так называемые «враги народа», но и члены их семей. После войны репрессии, хоть и не в таких масштабах, но продолжались до самой смерти Сталина.

В рамках государственной программы «Реабилитированные историей» в 2000 и 2004 году Национальным горным университетом изданы сборники «За відсутністю складу злочину...» [4, 5], в которые вошли документы, непосредственно касающиеся трагических сторон репрессий периода 20-х –

начала 50-х годов XX столетия: «Дело Южнороссийского треста» (1926), «Шахтинское дело» (1928), «Дело Промпартии» (1930), «Экономическая контрреволюция в Южнорудном тресте» (1928), «Дело фашистской организации профессуры в ДГИ» (1937), «Дело паритетного центра» (1937-1938), «Дело военно-троцкистской контрреволюционной организации» (1937-1938), «Дело вузовской ветки днепропетровской троцкистской организации» (1937).

Лишь после 1953 года их дела начали пересматривать, обвинительные приговоры отменялись. Большинство сотрудников горного института реабилитированы (чаще всего посмертно) в 1957-1959 гг. Новосильцев Иван Степанович реабилитирован посмертно решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 8 февраля 1956 года.

Процесс восстановления исторической справедливости продолжается и сегодня. В 2014 году Украина окончательно открыла архивы КГБ, дав возможность каждому узнать о судьбе своих репрессированных родных и знакомых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляков Л.П. Шахтинское дело // <http://russcience.euro.ru/material/dela/shakht.htm>.
2. Академік Д.І. Яворницький і перша вища гірнична школа України / С.В. Абросимова, В.С. Савчук, Г.К. Швидко, І.М. Єлінов. За заг. ред. проф. Г.К. Швидко. -Дніпропетровськ: НГУ, 2004. – 104 с.
3. Єлінов І.М. Нариси з історії Національного гірничого університету. – Дніпропетровськ: Національний гірничий університет, 2006. – 188 с.
4. Реабілітовані історією. За відсутністю складу злочину...(До історії політичних репресій 20-х – початку 50-х рр. у Дніпропетровському гірничому інституті). – Дніпропетровськ.: НГА України, 2000. – 192 с.
5. Реабілітовані історією. За відсутністю складу злочину...(До історії політичних репресій 20-х – початку 50-х рр. у Дніпропетровському гірничому інституті. Видання друге виправлене і доповнене). – Дніпропетровськ.: НГА України, 2004. – 194 с.